НЕ БУДЕМ СТРОИТЬ ТЕАТРЫ — СТАНЕМ СТРОИТЬ ЛАГЕРЯ

Любовь ЛЕБЕДИНА, критик

Совсем недавно казалось, что все театральные открытия происходят только в пределах Садового кольца Москвы. Столичные театры объявлялись единственными наследниками художественных традиций и законодателями новых, а провинциальные скромно довольствовались культурной миссией воспитателей в областных и районных городах. Приглашение на гастроли в Москву считалось венцом профессиональной карьеры.

Сегодня, как ни странно, потеря центруоустремленности оборачивается для провинциальных театров уверенностью и открытиями. Это особенно очевидно там, где столичные газеты в лучшем случае доходят на третий сутки.

Прошли те времена, когда Сибирь была местом ссылки прогрессивно мыслящей интеллигенции, которая внесла, конечно, свою лепту в развитие художественного сознания. Ныне культура формируют свои подвизники. Никто в Иркутске не плачет от ее разгосударствления: коммерческие банки почувствовали вкус к изданию книг, альбомов, проведению выставок, а акционерное общество «Ярмак» стало заядлым театралом: постановки спектаклей областного драматического театра — за его счет. Делается многое, чтобы культура не исчезла бесследно, не превратилась в миф, как жизнь десятков деревень на месте Братского моря. Бездумное разрушение старого всегда мстит будущему.

Точно ирония над памятью затопленной жизни на берегу Ангары — старые срубы домов и часовен, сложенные заново. Назвали деревню открытым музеем сибирского зодчества: любуйтесь, мол, потомки, смотрите, как ваши деды и прадеды жили, чем землю пахали, с чем на охоту ходили... Только пусто и холодно на безлюдных улицах бутфорской «Матеры». Где те изуродованные души, которые насильно оторвали от отцовских корней и в «потемкинские» города переселили?

Именно об изуродованных системой лишних людях писал Александр Вампилов, знаменитый сибиряк. Великий белый памятник ему стоит на берегу Байкала, где трагически погиб он в 1972 году. При жизни драматурга цензура не пускала его пьесы, теперь некоторым кажется: поезд ушел... Нет, не ушел!

Так где же, в каком месте можно услышать живые голоса

затопленной культуры, увидеть забытые сибирские обряды, ритуалы? «В подвале Театра Пилигримов», — подсказали мне иркутяне, — на спектакле «Песни под водой».

Год назад Владимир Соколов вместе с профессиональными музыкантами и студентами Иркутского училища искусства организовали этот необычный музыкально-драматический коллектив. Совсем молодые исполнители создали особую стилизованную мифологию, соединив прошлое и настоящее, прошли по лабиринтам человеческой памяти, связанной с сибирским апокалипсисом.

Пилигримы, в переводе паломники, по приглашению иностранных продюсеров проехали Испанию, Мексику, Англию. Во время их выступлений в залах творилось нечто невообразимое. После представлений к актерам подходили совсем незнакомые люди, спрашивали, как родилась идея «Песен под водой». Им рассказывали, они верили и не верили, удивлялись, как можно на разбитом автобусе ехать за полторы тысячи километров в тайгу, чтобы там почти бесплатно показывать спектакли. «Зачем вам это нужно, гастролируя по миру, вы можете своей музыкой зарабатывать огромные деньги», — учили иностранные коллеги. Действительно как объяснить поведение В. Соколова — человека с консерваторским образованием, коренного петербуржца, сочиняющего музыку в подвале на улице Ленина в Иркутске и отказывающегося преподавать в Лондонской консерватории по классу фортепьяно? «А на кого я своих ребят оставляю?» — говорит он.

А как объяснить возвращение Вячеслава Кокорина из Вильнюса, где он возглавлял русский театр? Мне кажется, что он больше не мог мириться с ситуацией ущемленного человеческого достоинства, в которой оказалась некоторая часть русскоязычного населения в Прибалтике. В Иркутске Ко-

корин был когда-то главным режиссером ТюЗа, но теперь не стал бороться за прежнее место — повел себя как истинно свободный художник: начал ставить один за одним спектакли в драматическом театре имени Н. Охлопкова: «Женитьбу» Гоголя, «Лес» Островского. Спросите, почему классику? Да если оторваться от всех бытовых наслоений и сосредоточиться на психологии русского характера, то герои Островского прекрасно впишутся в любое время, в том числе в наше — купеческое. Главное, как их понять, кто и что продает, чем торгует. Скажем, купец Восмибратов торгует только лесом, но не совестью, а вечные странники Счастливец и Несчастливец ничем не торгуют, а только мечтают... о собственном театре, как В. Кокорин. Впрочем, его-то мечты уже обретают реальные очертания: бы выпускниками местного театрального училища репетируется первый спектакль будущего театра. И еще: В. Кокорин закладывает фундамент международного сибирского театрального центра. В этом начинании ему обязательно помогут местные Восмибратовы, которые отлично понимают, что культура — не роскошь, а условия жизни цивилизованного общества. «Если мы не будем строить театры, то станем строить лагеря», — говорит председатель комитета по культуре администрации Иркутской области В. Лапенков.

Живя в столице, мы редко осознаем масштабы счастья и успеха: гигантомания мешает. Народный артист России В. Венгер, приехавший в Иркутск из Москвы в начале 50-х годов, на мой вопрос, почему не возвращается на Арбат, признался: «Здесь выходишь на сцену, а в зале одни родные лица...»

Думаю, примерно то же испытывают артисты Черемховского театра, открытого в 1939 году, когда здесь было много шахт. Теперь вместо шахт горы-терриконы, а население со 140 тысяч сократилось до 75, из них 35 тысяч — пенсионеры, и главная достопримечательность города — это его театр. Если рассматривать кнд культурного учреждения с точки зрения количества посещающих, то этот театр следует закрыть, а если думать о нравственном заряде, который получают юные зрители от встречи с героями Пушкина и Лескова, то он непременно

должен жить. Перед спектаклем «Плутни Скалена» режиссер Борис Скоморковский очень аккуратно предупредил меня: «Пожалуйста, отнеситесь повнимательнее к актерам. Они очень волнуются. У нас 20 лет не было московского критика». Это говорил мне ученик М. Лобанова, когда-то давно сосланный в Сибирь за ершистость характера весьма влиятельной дамой из Министерства культуры РСФСР. Вот уж действительно: не было счастья, да несчастье помогло. Я имею в виду актеров Черемховского театра. Когда бы они имели такую школу актерского мастерства, если бы не Скоморковский?

В нашей жизни ничего случайного не бывает, одно цепляет другое. Если исчезнет театр в Черемхово, то и жители окрестных селений лишатся радости и надежды, что о них все-таки помнят радители высших государственных интересов... По несколько раз в неделю актеры выезжают в рабочие и сельские поселки и возвращаются глубокой ночью по трассам, где участились случаи грабежей и насилия. В Сибири осела ведь не только опальная интеллигенция, но и особый «контингент» ударных комсомольских строек. Никакая милиция с этим не справляется, а актеры едут — работа.

Как бы ни предрекали гибель городским театрам, далеким от Садового кольца, они живы благодаря своим постоянным лидерам и собственному профессиональному достоинству. Плохо тем, у кого нет жертвенного подвизника. Вот почему трудноживется другому театру — Братскому без сплоченной команды и поводыря. Даже классика не помогает. Да и как она поможет, если режиссер А. Стрельников бывает здесь наездами, гастролируя между Петербургом и Братском, — не приемлет земля сибирская временщиков.

В день, когда заканчивался фестиваль «Иркутская театральная весна», организованный местным отделением СТД, Домом актера и Комитетом по культуре, в это же время проходили перевыборы в местные органы власти. На заборе по улице Карла Маркса висела программа одного из кандидатов: «Моя цель — человек, ответственность перед человеком!»

ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ.